

После наступления нового года зимние снега начали таять, уступая место весенним дождям — редким и драгоценным, словно масло. В каждой семье закипела работа. Люди, расплываясь в улыбках, приговаривали, что этот год обещает быть добрым. Все были заняты пахотой и севом, работа спорилась и кипела.

На этом фоне семья Е Цзюньшу, напротив, казалась на редкость праздною. Их пахотные земли были проданы, а за двумя огородами, засаженными овощами, особого присмотра не требовалось.

Цзюньшу порывался помочь Мин-аму с высадкой рассады риса, но тот наотрез отказался, да еще и отчитал юношу. Смысл его слов сводился к следующему: в деревне полно дядей и братьев, которые к тебе относятся не хуже. Ты один — на всех тебя не хватит. Поможешь одним — другие обидятся. Уж лучше не помогать никому, тем более что все и так справляются. Сиди-ка ты лучше дома с детьми...

Е Цзюньшу, рассудив, что в этом есть зерно истины, послушался и остался дома. Дядя Ли засеял всего пару-тройку му риса для личных нужд и управился за несколько дней. Как только выдалась свободная минутка, Цзюньшу стал наведываться к нему при любой возможности.

В это время года природа пробуждалась от долгой зимней спячки; мир наполнялся жизнью и суетой. Новый год принес с собой новые надежды. Лу-гэр уже давно загибал пальцы, подсчитывая, сколько в этом году нужно завести кур, уток и гусей.

Пусть им нельзя было есть мясо, но держать кур-несушек ради яиц никто не запрещал. А когда срок траура выйдет, можно будет зарезать птицу на бульон, чтобы поправить здоровье. Цзюньшу не советовал заводить уток — уж больно они пахучие, лучше ограничиться курами. Но дети так жалобно просили, так мило строили глазки, что он сдался: «Ладно, заводим!»

Он успокаивал себя тем, что на заднем дворе есть специальный птичник, расположенный далеко от жилых комнат, так что запахи не дойдут. Пусть дети порадуются.

Через Мин-аму он раздобыл двенадцать пушистых цыплят и купил пару поросят. Еще взял по восемь гусят и утят, соорудив для них из бамбука и досок отдельные загоны. В конце концов, одни куриные яйца — это скучно, иногда можно и гусиными или утиными разнообразить рацион!

С появлением живности у детей прибавилось хлопот. Теперь самой привычной картиной было то, как Сяо Шань вместе с Лу-гэром и Цинь-гэром пасли стайку пищущих и кричающих пушистиков неподалеку от дома, особенно часто заглядывая на свои огороды. А Е Цзюньшу взял на себя роль «усатого няня»...

Время утекало, словно вода. Пятый и Шестой (У-ва и Лю-ва) росли как на дрожжах. Казалось, только вчера они начали переворачиваться и ползать, а сегодня уже вовсю топали короткими ножками и бегали так быстро, что не догнать.

Е Цзюньшу до сих пор помнил тот момент, когда близнецы, невинно улыбаясь, впервые пролепетали своими детскими голосками слово «гэгэ». Сердце тогда переполнилось восторгом и нежностью. Все его труды и лишения окупались в тот миг, растворившись в этом простом слове.

Аму Е Цзюньшу ушел в конце седьмого месяца, а афу — в начале девятого. Старейшины клана, сверившись с календарем, рассудили, что после сентября подходящих дней для переноса табличек в храм не будет, зато в начале августа выпадал отличный день. В таких важных делах

старейшины, конечно, спросили совета у Цзюньшу как у главы семьи.

Обдумав всё, он согласился. Сам он мало что смыслил в обрядах, а опыт старейшин, повидавших жизнь, заслуживал доверия.

И вот, одним ранним августовским утром, едва забрезжил рассвет, вся семья из шести человек приняла участие в торжественной церемонии. Они перенесли таблички родителей в родовой храм, сняли траурные одежды из грубого холста и сожгли их в большом медном тазу. Переступив порог храма, они официально завершили срок траура.

Если Пятый и Шестой еще ничего не понимали, то Цинь-гэр и остальные уже заметно подросли и осознали, что этот день — особенный. Братья разного роста окружили Е Цзюньшу, задрав головы и глядя на него снизу вверх.

Юноша посмотрел на небо. Хоть было еще рано, солнце уже поднялось высоко, заливая мир ярким, ослепительным светом. Не верилось, но он прожил в этом мире уже почти три года! Тот другой мир из его памяти казался теперь чем-то бесконечно далеким...

Он прищурился, глубоко вздохнул и по очереди потрепал каждого по макушке, облегченно улыбнувшись: — Пойдемте! Пойдемте домой!

Он взмахнул рукой и повел свою маленькую армию к родному порогу. Пятый и Шестой старательно семенили следом, но вскоре выдохлись. Малыши синхронно обхватили ноги Е Цзюньшу с двух сторон и, глядя на него огромными блестящими глазами, пролепетали: — Гэгэ, Пятый больше не может идти! Хотим на ручки!

Цзюньшу чуть не растаял от такой милоты. Конечно, возня с этими крохами отнимала всё его время и порой утомляла, но стоило увидеть их искренние улыбки, как он тут же «воскресал», чувствуя в себе силы вырастить еще хоть дюжину таких очаровашек. — Хорошо-хорошо, — ласково ответил он. — Старший брат понесет.

Он подхватил их — по одному на каждую руку — и уверенно зашагал вперед. К счастью, за эти два года тренировок, хоть он и не вырос в гиганта, сил у него прибавилось в разы. Вес двух карапузов был для него пустяком.

Цинь-гэр шел следом, с нескрываемой завистью глядя, как двойняшки уютно устроились в руках брата и свысока рассматривают окрестности. Ему тоже ужасно хотелось на ручки! Но ведь он — старший брат, он должен уступать. От этого Цинь-гэру стало очень обидно.

Лу-гэр, державший Цинь-гэра за руку, заметил его кислую мину и легонько пожал ладошку:

— Цинь-гэр, ты чего такой грустный?

Мальчик глянул на Е Цзюньшу, поджал губы, и все его мысли мгновенно отразились на лице.

Да уж... когда вокруг тебя столько очаровательных карапузов, их борьба за внимание старшего брата порой превращается в настоящую головную боль.

Е Цзюньшу невольно подумал: «И почему я не трехглавый и шестирукий?» Будь у него лишняя пара рук, он бы обнял каждого, и никто не чувствовал бы себя обделенным.

Заметив это, Пятый (У-ва) сверкнул своими живыми черными глазками и, проявив не по годам

взрослую рассудительность, сказал:

— Гэгэ, Пятый больше не устал. Понеси лучше четвертого брата.

Он попросил спустить его на землю, встал перед Цинь-гэром, забавно выпятив животик, и спросил:

— Четвертый брат, ты устал? Пусть гэгэ тебя понесет! — он великодушно уступил свое «коронное» место.

Цинь-гэр инстинктивно взглянул на Лу-гэра и, поймав его ободряющий кивок, ответил Пятому:

— Спасибо, малыш. Ты еще маленький, старший брат должен носить тебя, а я совсем не устал.

Пятый похлопал себя ладошкой по круглой груди и пролепетал:

— Пятый — маленький мужчина, а ты — гэр. Мужчины должны заботиться о гэрах!

— А старшие братья должны заботиться о младших! — отозвался Цинь-гэр. Обида тут же испарилась: брат ведь и правда кроха, правильно, что старший брат его несет. Он и сам помнил, как в детстве не слезал с рук!

Е Цзюньшу не вмешивался, лишь с доброй улыбкой наблюдал за этой сценой. Видеть, как братья учатся чуткости и уступчивости, было для него высшей наградой.

В итоге два маленьких «философа» после серьезного обсуждения постановили: гэгэ несет Цинь-гэра часть пути, потом меняет его на Пятого, и так по очереди.

Цзюньшу беспрекословно подчинился их решению.

Благо идти было всего ничего — они успели смениться лишь раз, как впереди показались очертания родного дома. Тут уж всякая усталость была забыта: трое малышей, словно резвые колобки, с радостными криками припустили к дверям. Сяо Шань и Лу-гэр бросились следом, крича на бегу: «Потише! Не упадите!»

Цзюньшу приложил ладонь ко лбу и невольно рассмеялся. Ну и сорванцы! Он тоже ускорил шаг.

Дома детей уже и след простыл — из глубины двора доносились лишь их звонкие голоса. Е Цзюньшу решил дать им волю: дети подросли, и это уже не те беспомощные крохи, за которыми нужен был глаз да глаз два-три года назад. Он прошел в комнату, где стоял алтарь родителей, закончил последние приготовления и прибрался.

Вскоре у ворот послышался голос Мин-аму. Цзюньшу отозвался и поспешил навстречу.

Гость вошел во двор, неся на локте бамбуковую корзинку.

— Чжоу-цзы, малец!

— Мин-аму! — радостно поприветствовал его юноша.

— Старший сын твоего третьего дяди на днях пристроился счетоводом в уезде! — сияя от счастья, выпалил Мин-аму. — Это всё благодаря твоему усердному обучению в эти годы.

— Вот это новость! Здорово! — искренне обрадовался Цзюньшу, но тут же скромно добавил: — Это всё потому, что брат сам очень старался. Моей заслуги тут мало.

Мин-аму лишь хмыкнул, сочтя это за обычную скромность.

Он протянул корзинку юноше:

— Вот, твоя третья берму велела передать. Тут ямс и другие полезные для желудка коренья. Она заходила утром, когда вас не было, а потом убежала по делам, вот и попросила меня занести. Сегодня вы вышли из траура и можете есть мясо, но не вздумай набрасываться на него сразу. Желудку это не понравится. Первые несколько дней лучше вари мясные бульоны, добавляй туда эти продукты — пусть нутро привыкнет, а уж потом налегай на жаркое.

Цзюньшу внимательно выслушал и кивнул:

— Я понял, спасибо.

Действительно, за долгие годы без мяса детские желудки могли не выдержать резкой смены диеты. Подарок берму был как нельзя кстати. Он решил принять подношение, решив поблагодарить его лично при первой же встрече.

Мин-аму еще немного поболтал о деревенских новостях, а потом, немного помявшись, спросил:

— Чжоу-цзы... ты и правда решил с этого года больше не учить детей?

Е Цзюньшу подтвердил:

— Да, Мин-аму. Мы ведь так и договаривались со старостой: я учу их, пока на мне траур. О том, что будет дальше, нужно еще подумать.

Его познания были ограничены — он всего лишь туншэн. Ему не хотелось «портить» детей неверными знаниями. Базовой грамоте он их обучил, и этого было достаточно: теперь они могли прочитать контракт или долговую расписку и не дать себя обмануть. Пусть пишут они все как курица лапой (бумаги и кистей на всех не напасешься), но смысл понимают. Свою миссию он считал выполненной.

За последние два года он частенько выбирался в лес с дядей Ли. Иногда везло добыть ценного зверя, и потихоньку у него скопилась небольшая сумма денег.

Цзюньшу трезво оценивал ситуацию: продолжать учительствовать нельзя. Дети растут, нужно копить на «приданое» трем младшим гэрэм, на свадебный выкуп для Сяо Шаня, а Пятому скоро пора будет по-настоящему учиться. Преподавание в деревне отнимало уйму сил, а приносило гроши. Лучше он побудет немного эгоистом, чем позже окажется в неловком положении, когда не на что будет женить брата.

К тому же он мечтал со временем построить для Сяо Шаня отдельный дом на пустующем участке рядом — их нынешнее жильё не резиновое, и большой семье в будущем станет тесно.

«Пока есть немного денег, схожу к Жун-бо и куплю пару му земли. Своё зерно — это надежнее, чем вечно покупать втридорога. А потом съезжу в уезд, поищу, где еще можно заработать», — планировал он.

Мин-аму было жаль терять такого учителя, но он понимал, что Чжоу-цзы всё взвесил. Деревня

и так пользовалась его добротой несколько лет, пора и честь знать.

Заметив его грусть, Цзюньшу добавил:

— Не переживайте, я присмотрю за учебой Сяо Чжи. Сяо Шаня я всё равно продолжу учить сам, пусть Сяо Чжи приходит к нам. Но вы же знаете... мои возможности не безграничны. Дальше я вряд ли смогу ему помочь.

Мин-аму облегченно выдохнул:

— Сяо Чжи так расстроился, когда узнал, что общих уроков больше не будет, даже носом шмыгал втихаря. А у нас с мужем... ну, ты сам знаешь, нет возможности...

Он вздохнул. Частная школа — это слишком дорого. К тому же старший сын в прошлом году обзавелся семьей, скоро родится ребенок — расходы только растут. Нельзя ведь обделять старшего ради младшего.

— Чжоу-цзы, я понимаю твои планы и не хочу тебя обременять. Но если... если сможешь подтягивать Сяо Чжи, когда будет время, мы будем очень благодарны. А если нет — так нет...

— Мин-аму заговорил смущенно, боясь показаться навязчивым.

— Я всё понимаю, — улыбнулся Е Цзюньшу. — По поводу Сяо Чжи я что-нибудь придумаю.

У Сяо Чжи была светлая голова, за эти годы он многому научился. При его старании через пару лет он вполне мог бы стать счетоводом в уезде. Но мальчик, кажется, грезил о настоящих экзаменах, а тут Цзюньшу был бессилён — сам ведь не доучился.

Юноша решил: раз траур снят, нужно первым же делом навестить своего старого учителя в уезде. А там посмотрит по обстоятельствам: если учитель согласится взять Сяо Чжи, Цзюньшу готов был даже помочь с оплатой обучения. Всё-таки семья Мин-аму все эти годы относилась к ним как к родным.

Если бы не Мин-аму, Е Цзюньшу, как новичку в делах семейных, точно пришлось бы несладко. Без его помощи дети вряд ли росли бы такими крепкими и здоровыми. Эту доброту Цзюньшу ценил превыше всего и понимал: за всю жизнь с таким долгом не рассчитаешься.

Что касается Сяо Шаня, то к наукам у него особого таланта не было, да и душа к книгам не лежала. Зато к боевым искусствам он питал живой интерес. Еще два года назад, заметив, как старший брат ни свет ни заря занимается укреплением тела и упражняется в приемах, Сяо Шань стал каждое утро хвостиком ходить за ним и повторять движения.

Жаль только, что в уезде не было школы боевых искусств. Найдись хоть одна — Цзюньшу из кожи бы вон лез, но устроил бы туда брата, ведь в этом деле у Сяо Шаня определенно был дар.

Мин-аму больше не поднимал тему учебы. Заметив, что время близится к полудню, он дал еще пару наставлений и поспешил домой под палящими лучами солнца.

Е Цзюньшу подхватил корзинку и направился напрямиком на кухню — пора было ставить суп. «Так... утренний бульон от забитой курицы еще остался. Вот на нем-то я и припущу ямс», — решил он.

---

1. Как считаются «3 года» траура: В древнем Китае период траура по родителям (чжаньцуй) номинально назывался «трехлетним», но фактически он длился 27 месяцев (2 года и 3 месяца).

2. Пропуск времени в повествовании: Между событиями первых глав и 28-й главой произошел значительный временной скачок.

Вначале : Е Цзюньшу только переехал в деревню, наступила его первая зима там. Затем была вторая зима (когда он учил детей и читал книги присланные Цинь Яоляном).

В этой главе, когда он едет в город, автор прямо говорит: «Спустя три года...» (или «впервые за три года он снова ступил в этот город»).

Почему могло показаться, что прошел всего год? Скорее всего, дело в том, что автор описывает быт в деревне очень подробно в начале, а затем «проматывает» оставшееся время траура (второй и начало третьего года) парой абзацев или упоминаний о смене сезонов.

По сюжету Е Цзюньшу честно выдержал положенный срок.

<http://bllate.org/book/15226/1354087>